

Современное положеніе старокатолическаго вопроса.

I.

Согласно порученію нашей, „С.-Петербургской, Коммисіи, по вопросу о старокатолицизмѣ“, я представилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго года ея отвѣтъ Коммисіи „Роттердамской“. (Послѣдняя засѣдала въ Гаагѣ, гдѣ тогда же происходилъ VII между-народный конгрессъ старо- католиковъ).

На этотъ нашъ отвѣтъ, мы получили весной текущаго года, отвѣтное письмо Коммисіи Ст. Католической, напечатанное ниже въ русскомъ переводѣ. Оно подписано Епископомъ Гарлемскимъ D-г Ванъ-Тилемъ, который, согласно точнымъ указаніямъ своихъ коллегъ со-Епископовъ, его и редактировалъ.

Вопросъ о восоединеніи съ нами ст. католиковъ—поднять давно, безъ малаго сорокъ лѣтъ тому назадъ. На конференціяхъ въ Боннѣ (1874—5) установлены были сообщая (ст. католическими и православными богословами) основанія такого восоединенія; а именно: полное тождество въ догматѣ, при свободѣ въ богословскихъ мнѣніяхъ, обрядахъ и церковномъ устройствѣ. Нормой догматическаго ученія признано—ученіе древней, нераздѣленной, вселенской церкви, въ котораго богословская наука не имѣетъ ни научнаго критерія, ни значенія.

Эта простая и безусловно правильная постановка дѣла встрѣтила однако неожиданнаго препятствія. Причины такихъ затрудненій указаны мною въ послѣсловіи, напечатанномъ здѣсь же, вслѣдъ за отвѣтомъ Роттердамской Коммисіи. Въ этомъ-же послѣсловіи находятся и нѣкоторыя данныя относящіяся до ученія ст. католиковъ объ евхаристіи и о Церкви. Двухъ послѣднихъ вопросовъ, въ отвѣтъ своемъ

ст. католики не касаются, но вопросъ объ исхожденіи Св. Духа разрѣшается въ немъ, на точномъ основаніи боннскихъ соглашеній, и мнѣ кажется вполне согласно съ догматическимъ ученіемъ вселенской церкви.

Подводя итогъ нашимъ многолѣтнимъ переговорамъ со старокаатоликами, можно, казалось бы, сказать, что разстояніе между *нашимъ* догматическимъ ученіемъ и таковымъ-же старо-католиковъ, въ особенности въ виду данныхъ ими послѣднихъ разъясненій, настолько уже уменьшилось, что потребуется лишь незначительное усиліе чтобы довести наши труды до желаннаго результата. Мнѣ думается даже, что роль богословія, роль научныхъ изслѣдованій приведена къ концу. Все что можно и что слѣдовало сказать въ этомъ отношеніи выяснено и сказано; казалось бы, что теперь намъ слѣдовало бы взглянуть на это дѣло простыми добрыми глазами, простыхъ православныхъ людей, *sine ira et studio!*

Безъ малаго сорокъ лѣтъ толкутся бѣдные ст. католики къ намъ въ двери, прося приѣма; предложенныя нами на боннскихъ конференціяхъ условія воссоединенія они приняли, на наши требованія доказать правоту своего догматическаго ученія—они отвѣтили вполне мнѣ кажется удовлетворительно; они по прежнему протягиваютъ намъ свою руку! Справедливо ли, *по христіански ли* холодно и подозрительно—горделиво отвергать эту руку?! Неужели не найдется въ нашихъ сердцахъ и капли сочувствія къ этимъ людямъ, которые вѣдь не требуютъ и не ожидаютъ отъ насъ никакихъ мірскихъ благъ и подачекъ, а лишь братской любви!.. *Это ли „ревность о Христѣ“?* Едва ли справедливо такое наше равнодушіе къ такимъ христіанамъ, которыхъ вѣдь и самъ Св. Синодъ назвалъ „борцами, на западѣ, за православную истину“!

Александръ Кирѣевъ.

II.

Письма русской „С.-Петербургской“ Коммисіи — коммисіи старо-католической („Роттердамской“).

Русская Коммисія, (продолжая обсужденіе доселѣ остающихся препятствій къ установленію общенія между восточною церковію и старокаатоликами) имѣя въ виду тѣ официальные и другія заявленія старокаатоликовъ, которыя поя-

вились послѣ 1897 г., когда эта коммиссія въ послѣдній разъ выступала съ своимъ мнѣніемъ, не можетъ, прежде всего, не привѣтствовать съ радостію ясно высказываемаго въ этихъ заявленіяхъ намѣренія старокатоликовъ неуклонно держаться принциповъ, установленныхъ еще въ самомъ началѣ сношеній между ними и восточными, и искать основъ для соглашенія съ восточными по вопросамъ догматическаго характера въ вѣрѣ древней нераздѣльной церкви. Несомнѣнно, что лишь путемъ точнаго, насколько возможно, опредѣленія откровенной христіанской истины, какъ она была исповѣдуема въ древнѣйшее время и путемъ безпристрастнаго, въ духѣ любви, обсужденія развившихся вполнѣдствіи и существующихъ нынѣ разностей между отдѣльными церквями можетъ быть достигнуто дѣйствительное и прочное, а не внѣшнее лишь и формальное единеніе между раздѣлившимися съ давнихъ поръ частями христіанскаго міра. Воодушевляемые одинаковыми со старокатоликами стремленіями, вполнѣ соглашаясь съ ними также и относительно способа достиженія общей цѣли, члены русской Коммиссіи увѣрены, что въ такомъ согласіи относительно цѣли и средствъ заключается лучший залогъ успѣшнаго доведенія давно уже начатаго дѣла до желаемаго конца.

Но въ тоже время русскіе богословы не могутъ не видѣть и тѣхъ трудностей, какія неизбежно встрѣчаются при выполненіи этой общей для всѣхъ желающихъ мира церковнаго задачи. Эти трудности успѣли уже проявиться при происходившемъ доселѣ обмѣнѣ мнѣній восточной и старокатолической Коммиссіей. Обнаружившіяся со всею очевидностью уже послѣ раздѣленія церквей и сдѣлавшіяся предметомъ рѣзкой полемики разности по догматическимъ вопросамъ имѣли болѣе или менѣе прецеденты для себя еще въ предшествовавшей раздѣленію церквей исторіи востока и запада. Такъ извѣстно, что и догматъ о папствѣ, послужившій главною причиною раздѣленія востока и запада, былъ выражаемъ съ ясностью уже въ V вѣкѣ папою Львомъ Великимъ. Отсюда естественно, что попытки установить нынѣ единеніе на основѣ вѣрованій древней церкви въ нѣкоторыхъ случаяхъ не сразу сопровождаются желаемыми результатами и вызываютъ взаимныя недоразумѣнія.

Прежде всего, такія недоразумѣнія возникаютъ по отно-

шенію къ вопросу о Filioque. На нихъ и хотѣла бы остано-
вить свое вниманіе въ настоящее время Петербургская Ком-
миссія.

Вопросъ въ данномъ случаѣ, какъ полагаетъ Коммиссія, состоитъ въ томъ, насколько вообще можетъ быть признано допустимымъ такое богословское мнѣніе, которое, хотя бы само не было выдаваемо за догматъ, но при послѣдовательномъ логическомъ развитіи должно приводить къ заключеніямъ, несогласнымъ съ тѣмъ, что должно быть относимо къ области догмы. Восточные думаютъ, что мнѣніе о Filioque въ томъ видѣ, какъ оно было высказано впервые бл. Августиномъ, можетъ вести къ отрицанію или ограниченію ученія о единомъ началѣ или единой причинѣ въ Божествѣ. Извѣстно, что если самъ Августинъ въ предотвращеніе этого училъ объ исхожденіи Духа Св. ex Patre principaliter et Filio, то напр., Левъ III говорилъ уже объ исхожденіи Духа Св. a Patre et Filio aequaliter.

Поэтому для Коммиссіи представляется весьма важнымъ знать, въ какомъ смыслѣ и безъ всякихъ ли ограниченій принимается старокатоликами ученіе о Filioque бл. Августина?

Въ признаніи важности указаннаго ученія о единомъ началѣ или единой причинѣ во внутренней троичной жизни Божества старокатолическіе богословы согласились уже нѣкогда съ восточными на боннской конференціи 1875 г. Въ мнѣніяхъ Петербургской Коммиссіи 1883 и 1897 г. ясное подтвержденіе этого уже выраженнаго ранѣе согласія ставилось (затѣмъ) въ качествѣ условія для предполагаемаго единенія старокатоликовъ и восточныхъ. Но Петербургская Коммиссія доселѣ не усматриваетъ въ отвѣтахъ старокатолической Коммиссіи соответствующаго вполне яснаго заявленія. Изъ перваго отвѣта старокатоликовъ также изъ отвѣта редакціи старокатолическаго журнала Internationale Theologische Zeitschrift проф. Гусеву, можно заключить, что старокатолики склонны признать допустимымъ, въ качествѣ богословскаго мнѣнія ученіе о Сынѣ, какъ *причинѣ* Духъ Св., только не въ смыслѣ ἀρχή или πηγή (поскольку и самъ Сынъ происходитъ отъ Отца, какъ начала). Петербургская Коммиссія затрудняется примирить этотъ взглядъ съ принятыми въ Боннѣ положеніями.

Коммиссію смущаетъ сверхъ того и то обстоятельство, что хотя Filioque, понимаемое въ смыслѣ указанія на Сына, какъ причину Духа Св., не признается старокатоликами церковнымъ догматомъ, однако напр., въ брошюрѣ столь виднаго представителя старокатоличества, какъ покойный епископъ Теодоръ Веберъ подъ заглавіемъ „Trinitat und Welterschöpfung 1904“, оно признается въ тоже время, какъ выражается достоуважаемый авторъ брошюры, „философскимъ догматомъ, который какъ такой заслуживаетъ полнаго признанія“, такъ какъ оно само по себѣ „правильно по содержанію“ (16). Но „философскій догматъ“, поскольку онъ обращается къ здравому разуму, какъ необходимый логическій постулатъ, долженъ, повидимому, имѣть не меньшую обязательность для разумнаго существа, нежели церковный догматъ или догматъ вѣры, утверждающійся на авторитетѣ. Философская спекуляція здѣсь не хочетъ уже оставлять, повидимому, въ вопросѣ богословскаго или церковнаго характера какое либо мѣсто для свободы богословскихъ мнѣній. Между тѣмъ на той же боннской конференціи 1875 г. и восточными и старокатоликами было единогласно принято положеніе, что догматическое ученіе объ исхожденіи Св. Духа, разсматриваемое съ церковной точки зрѣнія, не можетъ быть подтверждено или развиваемо философскимъ анализомъ: это положеніе вполне одобряется и въ отвѣтъ старокатоликовъ проф. Гусеву. Наименованіе Filioque *догматомъ*, хотя бы и философскимъ, естественно возбуждаетъ недоумѣніе Коммиссіи.

Въ виду всего сказаннаго, Петербургская Коммиссія, желая получить разъясненіе указанныхъ недоумѣній, находитъ умѣстнымъ предложить на усмотрѣніе старокатолической Коммиссіи нижеслѣдующія положенія, касательно вопроса о Filioque. Устраненіе этихъ недоумѣній въ томъ случаѣ, если представляемая положенія будутъ почтены соответствующимъ отзывомъ со стороны старокатолическихъ богослововъ, могло бы, по ея убѣжденію, содѣйствовать скорѣйшему достиженію общей для восточныхъ и для старокатоликовъ цѣли.

Письмо это равно и тезисы его сопровождавшіе (№ III) подписаны В.-пр. Сергіемъ Архіепископомъ Финляндскимъ и Выборгскимъ.

III.

1) Восточные богословы вполне согласны съ старокатоликами въ признаніи безусловно обязательною догмою въ ученіи о Св. Духѣ положеній, что Духъ Св. единосущенъ Отцу и Сыну, что Онъ исходитъ предвѣчно отъ Отца и въ міръ посылается какъ Отцемъ, такъ и Сыномъ отъ Отца.

2) Признавая вообще свободу мнѣній въ объясненіи обязательнаго для всѣхъ догматическаго ученія, восточные продолжаютъ думать, что ограниченіемъ этой свободы всегда должно являться непротиворѣчіе догмату мнѣнія, долженствующаго объяснять догматъ. При этомъ по отношенію къ догмату объ исхожденіи Св. Духа они въ особенности находятъ нужнымъ имѣть въ виду 7 пунктъ въ заявленіяхъ проф. Осинина, принятыхъ единогласно въ качествѣ руководственнаго правила и западными и восточными въ 1875 г. на второй боннской конференціи. „Догматическое ученіе церкви объ исхожденіи Св. Духа, говорится здѣсь, принадлежитъ къ самымъ таинственнымъ и всего менѣ доступнымъ человѣческому уму предметамъ божественнаго Откровенія. Поэтому, рассматриваемое съ церковной точки зрѣнія, оно не можетъ быть подтверждено или развиваемо философскимъ анализомъ“.

3) Держась этой точки зрѣнія, восточные полагаютъ и теперь, что наименованіе Сына *причиной* Духа Св., хотя бы вторичной, по отношенію къ внутренней жизни Божества, не можетъ быть допущено, такъ какъ оно личное свойство Отца переносить до нѣкоторой степени и на Сына и не согласно съ ученіемъ объ Отцѣ, какъ единой Причинѣ Сына и Духа. Но восточные признаютъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца чрезъ Сына (*διὰ τοῦ Υἱοῦ*), понимая это выраженіе въ смыслѣ указанія на Сына какъ лишь на *условіе*, но не какъ производящую причину Св. Духа въ Его ипостасномъ бытіи.

Съ этимъ вполне согласились въ 1875 году въ Боннѣ и старокатолики, полагающіе и нынѣ (ср. отвѣтъ проф. Гусеву, стр. 28) въ основу своего ученія тезисы, принятые тамъ и заимствованные изъ твореній св. Іоанна Дамаскина. Первый изъ этихъ тезисовъ гласитъ: „Св. Духъ исходитъ отъ Отца (*ἐκ τοῦ Πατρὸς*), какъ начала (*ἀρχῆς*), причины (*αἰτίας*), источ-

ника (*πληρῆ*) Божества“. Второй: „Св. Духъ не исходитъ отъ Сына (*ἐκ τοῦ Υἱοῦ*) потому что въ Божествѣ есть только одно начало (*ἀρχή*), одна причина (*αἰτία*), которую производится все, что есть въ Божествѣ“. Третій: „Св. Духъ исходитъ отъ Отца чрезъ Сына“.

4) Восточные богословы съ высокимъ уваженіемъ относятся къ именамъ тѣхъ отцовъ и учителей Церкви, на которыхъ указываетъ въ своемъ послѣднемъ отвѣтѣ старокатолическая коммиссія, приводя ихъ мнѣнія. Но они думаютъ, что, согласно разъясненіямъ русскаго богослова въ *Internat. Theol. Zeitschrift* 1898, № 24, на которую ссылаются и сами старокатолики, слѣдовало бы въ этомъ случаѣ проводить различіе между ученіемъ бл. Августина и ученіемъ прочихъ отцовъ и учителей Церкви, поскольку послѣдніе не стоятъ въ прямой зависимости отъ него.

6) Августиновское Filique во 1) по смыслу отлично отъ ученія восточныхъ отцовъ, поскольку Августинъ, и Отца и Сына, производящихъ, по его воззрѣнію, Духа Св. *вмѣстѣ* чрезъ spiratio, хочетъ представить какъ бы единымъ началомъ Духа. De Trinit. V. 14: Fatendum est Patrem et Filium principium esse Spiritus Sancti: non duo principia, sed sicut Pater et Filius unus Deus Sic relative ad Spiritum Sanctum unum principium. Во 2) оно опирается собственно на единичный авторитетъ самого Августина и является у него болѣе философическимъ рациональнаго характера, нежели утверждающимся на данныхъ положительнаго откровенія теологическимъ (Thesen, I. c. s. 687), съ чѣмъ согласны и сами старокатолическіе ученые (I. Langen. Die Trinitarische Lehräitferenz. Bonn. 1876. S. 64). Восточные отцы не учили этому мнѣнію, какъ оно изложено у Августина, западные же стали учить уже подъ влияніемъ Августина. И если это мнѣніе не было прямо отвергнуто нѣкогда, еще въ эпоху нераздѣленной церкви, восточною церковью, то повидимому, какъ показываетъ примѣръ съ посланіемъ папы Мартина въ VII в., потому лишь, что представители восточной церкви находили тогда возможнымъ истолковывать его въ смыслѣ восточнаго *δι' Υἱοῦ* (ср. тез. 11—25).

6) Вселенски авторизованнымъ теологическимъ православнаго востока, какъ устанавливается это въ „Тезисахъ“ упомянутаго богослова, было положеніе: *ἐκ τοῦ Πατρὸς διὰ τοῦ*

Υἱοῦ ἐκπορεύεται и до бл. Августина даже употреблявшееся на западѣ выраженіе ex Filio имѣло въ общемъ значеніе лишь неточной передачи восточнаго *δι' Υἱοῦ* (тез. 2, 10). Не выходитъ за предѣлы этого теологумена и указываемый въ отвѣтѣ старокатоликовъ св. Кириллъ александрійскій, когда онъ, имѣя вообще въ виду утвердить единосушіе Духа Св. съ Отцемъ и Сыномъ и посланіе его въ міръ отъ Отца и Сына, употребляетъ выраженіе: „Духъ Св. есть изъ сущности Отца и Сына“, „исходитъ отъ Отца и Сына“ (*προεῖσι ἐκ Πατρὸς καὶ Υἱοῦ*). Терминъ „*ἐκπορεύεται*“ насколько извѣстно, онъ, какъ и другіе восточные отцы и между ними Аѳанасій, никогда не прилагаетъ къ исхожденію Духа отъ Сына, но только отъ Отца, тогда какъ для бл. Августина какого либо различія терминовъ въ этомъ случаѣ не существуетъ и онъ одинаково примѣняетъ къ вѣчному исхожденію и временному посланію Духа выраженіе „*procedit*“.

7) Несомнѣнно, что не вопросъ о Filioque вызвалъ раздѣленіе восточной и западной церкви, и можно согласиться съ тѣмъ, что при извѣстныхъ условіяхъ, какъ частное богословское мнѣніе, Filioque можетъ быть разсматриваемо, какъ не имѣющее значенія *impedimentum dirimens* къ возстановленію общенія между церквами восточной и старокатолической (тезисы: 26, 27). Но въ то же время можно опасаться, что если оно будетъ проводимо со строгою послѣдовательностію, безъ истолкованія его болѣе или менѣе въ указанномъ восточномъ смыслѣ, оно можетъ сопровождаться признаніемъ двухъ началъ въ Божествѣ, что будетъ касаться уже самаго существа догмата о Троицѣ, а въ такомъ видѣ оно едва ли уже можетъ быть допустимо безъ всякихъ ограниченій.

Нельзя отрицать, что августиновское ученіе заключаетъ въ себѣ посылки для подобнаго вывода, и это именно заставляетъ восточныхъ, при высокомъ уваженіи къ гениальному западному мыслителю и признаніи глубокаго значенія за его богословіемъ вообще и въ частности за его попыткою уясненія рациональнымъ путемъ догмата о Троичности, относиться съ нѣкоторою осторожностію къ подробностямъ его ученія. Можетъ возникнуть вопросъ, не нуждалось ли это ученіе въ какихъ либо коррективахъ съ восточной точки зрѣнія, чтобы болѣе приближаться къ истинѣ, какъ это необходимо признать по отношенію, напр., къ ученію Авгу-

стина о предопредѣленіи, или какъ это несомнѣнно относительно ученія о папской власти почитаемыхъ и на востокѣ святыми папъ Льва V. и Григорія V. Мнѣнія послѣднихъ о прерогативахъ папской власти едва ли могли бы признать удобопріемлемыми или безразличными въ догматическомъ отношеніи сами старокатолики, хотя вселенскими соборами эти мнѣнія и не были прямо осуждены. Какимъ образомъ можетъ осуществиться примиреніе и объединеніе восточнаго и западнаго способа представленія въ ученіи о Св. Троицѣ въ одномъ цѣльномъ воззрѣніи, это есть задача богословской работы будущаго времени. Но едва ли должно и можно скрывать или признавать вполнѣ безразличнымъ существующее въ настоящее время въ этомъ пунктѣ разногласіе между востокомъ и западомъ, ведущее начало отъ временъ Августина, и отрицать возможность дѣлать тѣ или другія выводы изъ богословскихъ мнѣній по отношенію къ самому существу догмата.

8) Въ виду этого желательно, чтобы старокатолики, для устраненія подобныхъ опасеній, съ достаточною ясностію высказались по вопросу о единомъ началѣ или причинѣ въ Божествѣ, о чемъ во второмъ отвѣтѣ старокатолической комиссіи совершенно умалчивается. Встрѣчающееся же въ первомъ отвѣтѣ утвержденіе, будто „признаніе Сына вторичною причиною Св. Духа было обыкновеннымъ ученіемъ отцовъ на востокѣ всегда, а на западѣ до Августина“, справедливо было отмѣчено упомянутымъ русскимъ богословомъ, какъ не соответствующее дѣйствительности (Thesen, S. 685 Anm.). Въ частности желательно, чтобы они точно опредѣлили свое отношеніе къ августиновскому представленію о догматѣ: находятъ ли они возможнымъ и какимъ образомъ примирить ученіе бл. Августина о Св. Духѣ, какъ результатѣ spiratio вмѣстѣ и Отца и Сына, слѣдовательно двухъ началъ, объединенныхъ лишь ad hoc во едино, съ признаннымъ и самими старокатоликами на боннской конференціи 1875 года отрицаніемъ *всякаго* представленія и *всякаго* способа выраженія, въ которомъ содержалось бы принятіе двухъ началъ или причинъ? Можно думать, что только ясныя и не оставляющія мѣста дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ заявленія могутъ привести къ дѣйствительному устраненію всякихъ препятствій для соглашенія въ этомъ пунктѣ.

IV

Отвѣтъ Коммиссiи учрежденной въ Роттердамъ и преобразованной ¹⁾ въ Гаагѣ. для воссоединенiя Старокатолической и Русско-православной церкви — высокочтимой С.-Петербургской Коммиссiи, отъ ^{6/19} Юля 1907.

Старо-Католическая Коммиссiя могла только съ радостiю узнать, что, послѣ столь долгаго перерыва, на ея второй отвѣтъ петербургской коммиссiи, отъ октября 1898 г. полученъ вышеозначенный отзывъ, и что, такимъ образомъ, дѣлу подготовленiя къ достиженiю столь искренно желаннаго воссоединенiя Церквей—снова данъ ходъ.

Ст. Католическая Коммиссiя смущена, правда, тѣмъ, что снова разсматривается ученiе объ исхожденiи Св. Духа, и что опредѣленные разъясненiя православности ст. католиковъ, данныя ими о семь пунктѣ, все еще не признаются достаточными. Но, такъ какъ отзывъ, въ тоже время, обнаруживаетъ духъ миролюбiя, и какъ въ немъ безспорно проявляется искреннее желанiе воссоединенiя, то коммиссiя не теряетъ еще надежды на возможность соглашенiя; а потому и она, съ своей стороны, не можетъ, не оказать еще разъ содѣйствiя въ духѣ мира и любви, къ устраненiю возможныхъ недоразумѣнiй и къ разъясненiю возникшихъ сомнѣнiй.

При этомъ коммиссiя имѣетъ въ виду ограничиться лишь самымъ главнымъ; а именно — снова освѣтитъ съ истинно католической точки зрѣнiя поднятый Вами вопросъ касательно ученiя объ исхожденiи Св. Духа, обративъ особое вниманiе на старокатолическое пониманiе „Filioque“.

Хотя здѣсь и повторяется то, что уже неоднократно опредѣленно было высказываемо при происходившихъ доселѣ переговорахъ, мы предпосылаемъ однако дальнѣйшимъ объясненiямъ нижеслѣдующiя замѣчанiя:

1) Истинное единенiе различныхъ церквей, взаимное признанiе ихъ полно-правными членами единой святой соборной и апостольской церкви должно и можетъ быть достиг-

1) Это выраженiе требуетъ объясненiя. Въ прежней „Роттердамской“ Коммиссiи представителемъ германскихъ старокатоликовъ былъ Епископъ Д-ъ Веберъ. Онъ скончался, и на его мѣсто былъ избранъ Епископъ Д-ъ Деммель, который и состоитъ нынѣ членомъ „преобразованной“ старокатолической коммиссiи.

нута на основѣ принятія съ полною вѣрою того ученія, которое церковь сія, съ непогрѣшимою авторитетностію, передала послѣдующимъ поколѣніямъ какъ ученіе Христа, какъ истину всѣхъ связывающую и для всѣхъ вѣрующихъ обязательную. Въ качествѣ такого ученія должны быть разсматриваемы положенія, которыя, по своему происхожденію и содержанію коренятся въ божественномъ откровеніи и посему: или—

а) выражены въ свящ. писаніи въ ясной недопускающей никакого произвольнаго толкованія формѣ; или

б) утверждены и опредѣлены вселенскимъ соборомъ; или

с) получили обязательное значеніе вслѣдствіе единогласнаго свидѣтельства древнихъ Отцевъ Церкви, какъ истина протекающая изъ божественнаго откровенія и посему, черезъ преемственную передачу, непоколебимо стоящая во всеобщемъ церковномъ сознаніи: *Quod semper, quod ubique etc...*

Лишь тотъ, кто безусловно принимаетъ доказанное такимъ образомъ вѣроученіе, и, стало быть, отказываетъ въ своемъ согласіи со всякимъ инымъ ученіемъ или мнѣніемъ, которыя этому откровенному ученію логически противорѣчатъ,—можетъ быть признанъ каеволическимъ христіаниномъ.

Въ томъ, что высказано—церкви Востока и запада вполне и несомнѣнно между собою согласны, и это можно считать достаточнымъ къ установленію необходимаго основанія для такого дѣйствительнаго единенія, при которомъ не оставалось бы уже мѣста для перетолкованій. Но Коммиссія наша все же считаетъ необходимымъ подчеркнуть и отмѣтить при этомъ то, въ особенности, что требованіе безусловнаго принятія догматически признаннаго вѣроученія — не должно переступать границъ его содержанія; что посему ни отдѣльной церкви, ни отдѣльному лицу не дозволяется приписывать догматическаго значенія какому либо ученію, которое таковаго завѣдомо не имѣетъ. Другими словами: между догматомъ и богословскимъ мнѣніемъ или спекуляціей, должно быть съ обѣихъ сторонъ проводимо и строго соблюдено рѣзкое различеніе. Иначе давалось бы мѣсто произволу и единеніе оказалось бы построеннымъ на пескѣ, какъ лишенное всякой обязательной авторитетности.

Правда, богословское мнѣніе можетъ заключать въ себѣ

и истину, и въ такомъ случаѣ ему можетъ быть придано и извѣстное значеніе. Однако, въ какой бы степени оно ни было истинно, и отъ какого бы высокаго лица оно ни исходило, оно, какъ *результатъ человеческого мышленія*, ни въ какомъ случаѣ не должно быть разсматриваемо какъ для всѣхъ обязательная истина; и посему, принятіе его никому не должно быть поставляемо условіямъ церковнаго общенія.

Но, съ другой стороны, въ тоже время, всѣмъ должна быть предоставлена свобода, какъ въ выраженіи, такъ и въ принятіи, (того или другаго) богословскаго мнѣнія, а равно и въ усвоеніи тѣхъ формулъ, въ которыхъ оно излагается. Что такая свобода, какъ это замѣчено въ вашемъ второмъ тезисѣ, ни въ какомъ случаѣ не должна быть примѣняема къ такому богословскому мнѣнію, *respectively*, объясненію догмата, которое противорѣчило бы этому догмату—понятно само собою и слѣдуетъ изъ того, что сказано выше о догматическомъ ученіи, его установленіи и его обязательности. Съ тѣмъ, что объ этомъ высказано въ Вашемъ тезисѣ, старокатолическіе богословы согласны вполнѣ. Однако, здѣсь слѣдуетъ напомнить, что о вышеозначенномъ противорѣчии между богословскимъ мнѣніемъ и догматомъ можно говорить лишь тогда, когда таковое противорѣчіе дѣйствительно можетъ быть доказано сопоставленіемъ съ ясными изреченіями Св. Писанія и съ общимъ ученіемъ Церкви, или же когда, при чуждомъ предвзятости, логическомъ мышленіи, въ этомъ мнѣніи нельзя будетъ не усмотрѣть повода къ ошибочному умозаключенію; а не потому лишь, что тотъ или другой среди богослововъ считаютъ такое умозаключеніе—возможнымъ. Если бы такое умозаключеніе дѣйствительно было сдѣлано, то и отвѣтственнымъ за него былъ бы лишь тотъ, кто его сдѣлалъ, а никакъ не цѣлая церковь, которая придерживается этого неприкосновеннаго ¹⁾ богословскаго

¹⁾ Слово „неприкосновеннаго“ вызвало основательныя возраженія. Я написалъ объ этомъ Епископу Вацъ—Тилу который, въ обстоятельномъ письмѣ, объяснилъ мнѣ, что слово „неприкосновенный“ должно лишь выражать мысль, что мнѣніе это не находится въ противорѣчии съ догматомъ; но разъ, продолжаетъ Епископъ, слово „неприкосновенный“ подаетъ поводъ къ недоразумѣнію, онъ какъ редакторъ письма уполномочиваетъ меня или замѣнить его словомъ „допустимый“ или же, что по его мнѣнію еще лучше, просто остановиться на словахъ „не цѣлая Церковь“; опустивъ конецъ фразы со словъ „которая“. *Киртвез*

мнѣнія, прежде не вызывавшаго упрековъ и впредь не долженствующаго вызывать ихъ.

Съ самаго начала христіанской церкви, благочестивые и ученые отцы ея, какъ извѣстно, старались (все) болѣе и болѣе правильно и глубоко понять ея откровенное ученіе; благодаря такому похвальному и заслуживающему благодарности образу дѣйствій, и создавалась церковная литература коей великое значеніе безспорно. Однако Отцы Церкви свои богословскія умозрѣнія (относительно содержанія догмата), всегда тщательно отличали отъ ученія церкви, которое какъ основа вѣры, поручено было ихъ охранѣ и вѣрной преемственной передачѣ. Ученіе это, выраженное въ точныхъ формулахъ, они представляли вѣрующимъ къ безусловному принятію; свои же спекулятивныя соображенія, съ коренящимися въ нихъ мнѣніями, которыя, какъ произведенія человѣческаго мышленія, не имѣли обязательнаго авторитета, они предоставляли основательной провѣркѣ другихъ, признавая за ними свободу соглашаться или не соглашаться съ ними. И, по скольку эти мнѣнія не противорѣчили догмату,—какъ это очевидно было у великихъ Отцовъ Церкви—Церковь никогда и не стѣсняла, не опротестовывала такой свободы. Несомнѣнно, что такая свобода (въ этомъ отношеніи) должна имѣть свое значеніе и нынѣ.

2) Примѣняя высказанное къ ученію о Св. Духѣ, слѣдуетъ во первыхъ спросить, что именно о немъ установлено догматически? Въ этомъ отношеніи можетъ быть очевидно представлено лишь слѣдующее: Св. Духъ, третье лицо триипостаснаго *Божества есть Богъ равносущный и Совѣчный Отцу и Сыну*. Какъ изъ понятія о единствѣ божественнаго существа вытекаетъ, что Св. Духъ есть Духъ Отца, (Матѳея 10, 20.) такъ, по своему единосущію со Отцемъ и Сыномъ, Онъ есть духъ и Сына. (Гал. 4, 6). И такимъ образомъ Онъ посылается какъ отъ Отца (Іоан. 14, 26), такъ и отъ Сына (Іоан. 15, 26; 16, 7 и слѣд.). Что же касается, далѣе, отношенія Его къ обоимъ другимъ божественнымъ лицамъ, то ясно выраженнымъ догматическимъ ученіемъ можетъ быть признано лишь сіе: *что Св. Духъ, Духъ Истины отъ Отца исходитъ (ὁ παρὰ τοῦ πατρὸς ἐκπορεύεται)* (Іоан. 15, 26).

Это, и только это можетъ быть выведено изъ ясныхъ изреченій Свящ. Писанія *въ качествѣ ученія догматическаго*. Сверхъ

здѣсь сказаннаго и каеолическою церковью, какъ таковую, ничего не было опредѣлено. Въ 381 г. какъ извѣстно, соборъ Константинопольскій, къ словамъ собора Никейскаго: „вѣрую въ Духа Святаго“ прибавилъ лишь слова „Господа животворящаго, *иже отъ Отца исходящаго, иже со Отцемъ и Сыномъ споклоняема и славима, глаголавшаго пророки*“

Относительно сего яснаго ученія, взятаго изъ Св. Писанія и изъ опредѣленій вселенскихъ соборовъ, какъ признано, не существуетъ рѣшительно никакой разницы между Церквями Востока и Запада—resp.—старо-католическими. Здѣсь же да будетъ лишь еще разъ *опредѣленно напомяно* что *всякому ученію*, идущему далѣе вышесказаннаго, мы отказываемъ въ догматическомъ авторитетѣ, признавая его лишь частнымъ ученіемъ, или богословскимъ мнѣніемъ. Это именно относится—что здѣсь въ особенности слѣдуетъ подчеркнуть—до „Filioque“, которое, послѣ словъ „a Patre“ (*παρὰ τοῦ πατρὸς*) было включено въ вышеозначенное исповѣданіе вѣры. Относительно сего мы настойчиво объявляемъ, что старокатолики смотрятъ на „Filioque“ какъ на недозволительную вставку въ Символь, какъ на незаконное дополненіе, которое, какъ не принадлежащее къ откровенной истинѣ, не должно занимать мѣста въ Символѣ, на ряду съ точно опредѣленными членами вѣры.

3) Охотно признавая вышесказанное, мы должны оградить себя отъ мнѣнія, будто бы — приписывать божественному Логосу (*нѣкоторое*) участіе въ томъ имманентномъ процессѣ, который обозначается какъ исхожденіе Св. Духа отъ Отца—составляетъ ересь. Въ такомъ случаѣ оказалось бы, что наиболѣе выдающіеся отцы и церковные писатели предлагали о семъ вопросъ еретическія воззрѣнія. Мы приводимъ здѣсь нѣкоторыя такого рода изреченія, не принимая однако отвѣтственности за каждое изъ нихъ, и не желая вступать въ пренія о ихъ значеніи.

Тертуллианъ. (Adv. Prae. с. 4). Духъ, думаю не изъ иного источника, какъ отъ Отца *чрезъ Сына*.

(ibid. с. 8). Третій есть Духъ отъ Бога и Сына, какъ третій есть плодъ отъ корня изъ стебля.

*) Переводъ цитатъ сдѣланъ профессоромъ С.-Петербург. Духов. Академіи А. И. Бриллиантовымъ.

Аѳанасій. (Orat. с. Arian. III, 24). Сынъ даруетъ Духа, и то, что (бѣса) имѣетъ Духа,—имѣетъ отъ Слова.

(ad Serap. § 6). Такъ какъ Духъ въ Словѣ, то ясно, что чрезъ Слово Духъ былъ и въ Богѣ (Отцѣ).

(De incarn. с. Arian. п. 9). Поясняя Пс. 35, 10: „у Тебя источникъ жизни, въ Твоемъ свѣтѣ мы узримъ свѣтъ“. Аѳанасій говоритъ: „Онъ (псалмопѣвецъ) зналъ, что *сущій у Отца Сынъ, есть источникъ Св. Духа*“ (οἶδε γὰρ παρὰ τοῦ Πατρὸς ὄντα τὸν Υἱὸν τὴν πηγὴν τοῦ ἁγίου Πνεύματος).

Иларіѣ. (De Trinitate XII, 56). „Что Твоей св. Духъ“, такъ обращается онъ къ Отцу, „изъ Тебя чрезъ Него (Сына), это я принимаю ¹⁾ сознаниемъ, хотя не познаю (не воспринимаю) чувствомъ.

(ibid. XII, 57). Также: „Св. Духа Твоего, который изъ Тебя чрезъ Твоего Единороднаго“.

(ibid. II, 29). ²⁾ „Нѣтъ нужды говорить о Немъ (о Св. Духѣ), коего должно исповѣдывать, какъ *имѣющаго производителей Отца и Сына*“.

Василій Великій. ³⁾ (С. Eun. lib 5). Сынъ есть плодъ Отца и раздаватель (χορηγός) Св. Духа для образованія твари. Духъ завершаетъ творческое дѣло Сына. Какимъ образомъ, спрашиваетъ онъ въ заключеніе, можно раздѣлять „Слово Божіе и Духа, который изъ Бога чрезъ Сына?“

(ibidem). Въ надписаніи къ этому мѣсту онъ спрашиваетъ: „почему и Духъ не называется Сыномъ Сына?“ (Λιὰ τί μὴ καὶ τὸ Πνεῦμα υἱὸς τοῦ Υἱοῦ;). Отвѣтъ гласитъ: „Не потому, чтобы Онъ не былъ изъ Бога чрезъ Сына (ὅτι οὐ διὰ τὸ μὴ εἶναι ἐκ Θεοῦ δι' Υἱοῦ), но дабы Троица не мыслилась безпредѣльнымъ множествомъ“.

(De Spir. Sancto с. 18). Богопознаніе восходитъ отъ Св. Духа чрезъ Сына къ Отцу *обратно-естественная благодать и святость по естеству и царственное достоинство нисходитъ чрезъ Сына ⁴⁾ на Духа*“.

¹⁾ Подлинн: etsi sensu quidem non percipiam, sed tamen teneo conscientia

²⁾ Болѣе вѣроятнѣе, кажется, иной смыслъ (и по контексту): auctoritas едва ли не указываетъ здѣсь лишь на авторитетное свидѣтельство Отца Сына о Духѣ (противъ духоборцевъ).

³⁾ С Eunomium II. 4—4, извѣстные съ именемъ Василія В., принадлежатъ по всей вѣроятности Дидиму, какъ доказываютъ это Спасскій и Funk.

⁴⁾ „Сына“. въ подлинн: „Единороднаго“. τὸ μονογενεοῦ;

Епифаній. (Anag. п. 8). Ибо Духъ Божій есть и Духъ Отца, и Духъ Сына, не въ смыслѣ нѣкоего сложения, подобно тому какъ въ насъ [сложены] душа и тѣло, но *посредникъ между Отцомъ и Сыномъ, изъ Отца и Сына, третій по наименованію.* (*Πνεῦμα γὰρ Θεοῦ καὶ πνεῦμα τοῦ Πατρὸς, καὶ Πνεῦμα Υἱοῦ Ὁὸ κατὰ τινα σύνθεσιν, καθάπερ ἐν ἡμῖν ψυχὴ καὶ σῶμα, ἀλλ' ἐν μέσῳ Πατρὸς καὶ Υἱοῦ, ἐκ τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ, τρίτον τῆ ὁμομοσίᾳ*).

(Наег. 73). *Духъ Св., дарованный втрүющимъ изъ Отца чрезъ Сына, Котораго Свящ. Писаніе называетъ Утѣшителемъ, Который имѣетъ бытіе (ὄφρα τᾶτα) изъ Отца чрезъ Сына.*

Дидимъ въ своемъ сочиненіи „о Троицѣ“ (II, 3), приводя Пс. 35, 10: „Въ твоемъ свѣтѣ мы узримъ свѣтъ“, поясняетъ эти слова такъ: „Въ Твоемъ Сынѣ, сіяніи Твоей славы, Твоего Св. Духа“. Далѣе, приводя слова Пс. 4, 7: „Надъ нами сіяетъ свѣтъ лица Твоего“, онъ опять усматриваетъ здѣсь Св. Духа, „который отъ Отца или изъ свѣта исходитъ“ (*ὁ παρὰ τοῦ Πατρὸς ἢ ἐκ τοῦ φωτὸς (φῶς) здѣсь очевидно=Сынѣ) ἐκπορεύεται*).

Амвросій. (De Spir. Sancto lib. 1, п. 120). Если *Духъ Св. исходитъ отъ Отца и отъ Сына* (procedit a Patre et Filio), то Онъ не отдѣляется отъ Отца, не отдѣляется отъ Сына.

Григорій Нисскій. (Quod non Sunt tres Dii, p. 133 Migne). Одинъ, Сынъ, есть непосредственно (*πρῶτον*) изъ перваго (Отца), *другой* (Св. Духъ)—*чрезъ Того, который непосредственно изъ перваго*, такъ что и ¹⁾ единородность неоспоримо остается за Сыномъ, и происхождение Духа изъ Отца не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ посредничество (*μεβτεία*) Сынъ и для Него сохраняетъ Его единородность и не устраняетъ и для Духа отношенія къ Отцу по естеству.

Кириллъ Александрійскій. (In Ioel, п. 5). Поскольку Христосъ есть Богъ, *Духъ есть Его собственный* [Духъ] *и есть въ Немъ и изъ Него*, подобно тому—какъ это мыслится и по отношенію къ Богу и Отцу.

(In Ioh. 16, 12). Св. Духъ мыслится какъ не чуждый существу Единороднаго, *Онъ исходилъ съ своимъ естествомъ*

¹⁾ „Erstgeborenensein“ въ нѣмецкомъ текстѣ (взятъ изъ Langen 49) здѣсь очевидно, опечатка вмѣсто Eingeborenensein=греч. τὸ μοιουγενές

изъ него (существа Единороднаго) (*πρόσωπὸν θεῶ φρονηῶν ἐξ αὐτοῦ*), не будучи, что касается равенства природы, чѣмъ либо инымъ, нежели Онъ, хотя и мыслится, какъ самостоятельное лицо.—Въ связи съ этимъ, Кириллъ представляетъ Христа говорящимъ о Св. Духѣ: „*Во Мнѣ подлинно (πάρτος) сущій и чрезъ Меня исходящій и единосущный со Мною*“.

(Thesaur. de Trinit. assert. 34). Итакъ, если Духъ Св., бывая въ насъ, дѣлаетъ насъ богоподобными, *исходитъ же Онъ изъ Отца и Сына*, то очевидно Онъ божественной сущности, находясь въ ней существенно и происходя изъ нея.—И (adv. Nestor. IV, 3) относительно словъ: Отъ Моего приметь“: „Ибо какъ Духъ Св. исходитъ отъ Отца, принадлежа Ему по естеству, такъ равнымъ образомъ [исходитъ] и чрезъ Сына, принадлежа Ему по естеству и будучи единосущнымъ Ему.“

Иоаннъ Дамаскинъ. ¹⁾ (De recta sententia n. 5). Я не говорю, что Отецъ, не бывъ прежде Отцомъ, потомъ сталъ Отцомъ; но Онъ всегда былъ [Отцомъ], имѣя изъ Себя Самого Свое Слово, и чрезъ Свое Слово Духа Своего изъ Себя исходящаго.

(De hymno Trisag. n. 28). Св. Духъ исходитъ изъ Отца (*πρόιον*) чрезъ Сына и Слово, но не такъ какъ Сынъ (*οὐχ ἕκαστος*).

Если во многихъ приведенныхъ здѣсь цитатахъ изъ Отцевъ Церкви, въ особенности тамъ, гдѣ имъ приходится объяснять мѣста Св. Писанія, относящіяся *де временнаго посланія Св. Духа Сыномъ*, выступаетъ мысль о семъ послѣднемъ (временномъ) посланіи, то, на это должно замѣтить, что и изъ такого рода цитатъ, особенно если вдуматься въ контекстъ, выясняется несомнѣнно, что Отцы Церкви представляютъ это посланіе не иначе, какъ въ неразрывной связи съ *имманентнымъ раскрытіемъ божества*, такъ что, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи, они не оставляютъ мѣста сомнѣнію. Въ этомъ смыслѣ способность Сына посылать Св. Духа—*имманентна Ему отъ вѣчности*.

4) Въ виду тезисовъ 7-го и 8-го Вашего отвѣта надлежитъ теперь еще рассмотретьъ специально „Filioque“ Бл. Августина.

¹⁾ De recta sententia 5* должно быть замѣнено „C. Manich. 5“ (Langen 111; cf. Migne, S. gr. 94, 1512 B).

Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ видно, что, въ святоотеческой литературѣ Filioque уже существовало, болѣе или менѣе, ясно выраженное. Правда—Августинъ придаетъ спекулятивно этой формулѣ нѣсколько измѣненный смыслъ, высказывая мысль, что *Духъ Святой исходитъ отъ Отца, какъ и отъ Сына*. Слѣдуетъ однако при этомъ подчеркнуть, что онъ мыслить это лишь съ тѣмъ ограниченіемъ, что *исхождение и отъ сына коренится и въ отцѣ, какъ въ единственномъ первооснованіи божественной жизни*; и для Августина временное посланіе служить лишь основаніемъ для уразумѣнія, для доказательства иманентнаго отношенія. Августинъ (Tract. in Ioann. XCIX 6 sb.). „Сынъ есть Сынъ одного только Отца, и Отецъ есть Отецъ одного только Сына; Духъ же Святой не есть Духъ одного изъ нихъ, но Духъ обоихъ. Почему же намъ не вѣровать, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына, когда Онъ есть Духъ также и Сына?... Если же, согласно сему, Духъ Св. исходитъ, какъ отъ Отца, такъ и отъ Сына, почему сказалъ Сынъ, что онъ исходитъ отъ Отца? Потому что Сынъ, отъ Того отъ котораго имѣетъ свое божественное бытіе, имѣетъ также и то, что Св. Духъ отъ него исходитъ; поэтому Духъ Святой имѣетъ отъ Отца то, что Онъ исходитъ и отъ Сына какъ и отъ Отца.

(De Trinitate XV С. 17) Духъ Святой исходитъ отъ Отца преимущественно. Я потому прибавилъ *преимущественно* (principaliter), ибо нѣкоторые находятъ что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына. Но и это далъ Ему (Сыну) Отецъ не какъ уже существовавшему, но еще не имѣвшему, но все что Онъ далъ едиnorodному Слову, Онъ далъ рождая Его. Итакъ Онъ родилъ Его такимъ образомъ, чтобы и отъ *Него* *исходилъ общій даръ и Духъ Святой былъ бы Духомъ обоихъ*.

С. 26. Сынъ рожденъ отъ Отца и Духъ Святой *исходитъ преимущественно отъ Отца*, и такъ какъ Отецъ сообщаетъ это (Сыну) безъ всякаго промежутка времени (исходитъ) вмѣстѣ отъ того и другаго“.

Правда, изъ приведенныхъ мѣстъ слѣдуетъ, что Августинъ представилъ соучастіе Сына при исхожденіи Св. Духа—о чемъ учили, въ томъ или другомъ видѣ и выдающиеся восточные отцы—въ новомъ освѣщеніи; но столь же ясно и то, что онъ мыслить такое участіе, лишь какъ осно-

важное въ единствѣ существа божественныхъ лицъ, и по сему—въ вѣчномъ первоисточникѣ Божества.

Такимъ образомъ, августиновское „Filioque“—*въ существенномъ*—находится безусловно въ согласіи съ преданнымъ вѣроученіемъ и между нимъ и *διὰ τοῦ Υἱοῦ* Грековъ не оказывается существеннаго различія, видоизмѣняющаго ученіе о Богѣ. Стало бытъ въ этой формулѣ рѣшительно не заключается какой либо ереси. Поэтому и Вселенская Церковь—чего не слѣдуетъ упускать изъ виду—пока она была не раздѣлена, и пока между Церквями Востока и Запада продолжался миръ, какъ извѣстно, никогда и не усматривала въ этой формулѣ ереси, никогда не выражала и опасенія, что она можетъ повести къ ошибочному умозаключенію. Такъ еще и Максимъ Исповѣдникъ взялъ подъ свою защиту латинскую формулу, находя въ ней лишь иной способъ выраженія греческаго „Черезъ Сына“.

Да и какъ-же, въ противномъ случаѣ, могъ бы Августинъ пользоваться высокимъ уваженіемъ во всей церкви не только запада но и Востока, и быть признаннымъ и прославленнымъ какъ святой?

Но въ такомъ случаѣ и нынѣ допустимость августиновской формулы едвали подлежить вопросу, и при безусловномъ принятіи имъ твердо установленнаго церковнаго ученія, каждому должна быть предоставлена свобода находить въ ней (нѣкоторую) истину, хотя и не откровенную.

Дабы предупредить всякое недоразумѣніе, мы повторяемъ то, что уже было высказано въ началѣ, именно, что мы отнюдь не исходимъ при этомъ изъ мысли, что „Filioque“ *принадлежитъ къ существу христіанской вѣры. Догматическаго* значенія „Filioque“ не имѣетъ, и по сему, оно не должно быть ему усвоемо.

Не смотря на высокое уваженіе, которое мы питаемъ къ Отцу Церкви—Августину, мы заявляемъ безъ обиняковъ, что предложенное имъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа „и отъ сына“, въ какой бы степени оно ни заключало въ себѣ истину, мы разсматриваемъ лишь какъ ни для кого не обязательное *частное развитіе ученія—какъ богословское мнѣніе.* По этому намъ и въ голову не приходитъ навязывать Filioque Восточнымъ, да и ни кому бы то ни было. Но не встрѣчая никакого затрудненія понимать Filioque въ смыслѣ *διὰ*

той *Utop*, мы думаемъ, что имѣемъ право требовать, чтобы каждому была предоставлена свобода держаться сего богословскаго мнѣнія. Такую же свободу, предоставляемъ мы и относительно не встрѣчающагося въ патристической литературѣ но преподаваемаго позднѣйшими восточными богословами ученія „a Patro Solo“: мы однако отстраняемъ отъ себя предположеніе, что разсматриваемъ оное какъ принадлежащее къ догмату.

5). Въ заключеніе мы должны сдѣлать еще замѣчаніе относительно сомнѣній, высказанныхъ Вами въ предисловіи къ Вашему письму, (по поводу брошюры покойнаго Епископа D-r Θ. Вебера (*Trinität und Weltschoepfung*)).

Признаемся, намъ едва понятно, какимъ образомъ означенная брошюра могла явиться новымъ препятствіемъ нашимъ воссоединительнымъ стремленіямъ? Вѣдь за чистоличную работу, какимъ бы выдающимся человѣкомъ ни былъ ея авторъ, никогда не можетъ быть отвѣтственна Церковь¹⁾. А упомянутая брошюра Епископа Вебера есть безусловно частная работа, которую онъ сдѣлалъ и опубликовалъ въ качествѣ философа, не снесшись вовсе съ своими сослуживцами по должности. Намъ стало-быть нѣтъ нужды подвергать разсмотрѣнію его разсужденія и употребленныя имъ при семъ выраженія со стороны ихъ точности; но мы мо-

1) Ст. Католики не разъ обращались къ намъ съ просьбою, чтобы о вѣрѣ ихъ судили по ихъ патеривисамъ, богослужебнымъ книгамъ и другимъ *официальнымъ* заявленіямъ и на томъ единственномъ основаніи, которое принято было на бонскихъ конференціяхъ всѣми многочисленными представителями многихъ автокефальныхъ православныхъ Церквей. именно—на основаніи догматовъ древней церкви седьми вселенскихъ соборовъ, а не на статьяхъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ ст. католическихъ ученыхъ, въ разныхъ журналахъ и газетахъ, свободныхъ отъ цензуры. См. новыя *официальныя* и другія данныя для сужденія о вѣрѣ ст. католиковъ“. П. І. Янышевъ. С.-Петербургъ 1902 г. Церк. Вѣстникъ. Кромѣ выдающихся русскихъ богослововъ на бонскихъ конференціяхъ участвовали м. в. р. В. Преосв. Ликургосъ Архіеп Сиры и Тиноса (грекъ Королевства), Преосв. Геннадій Еп. Аргезу и Пр. Мельхиседекъ Еп. Иамвильскій (Румынъ), Архим. Анастасіадисъ и Вріенній д-ръ богословія Ф. Вафидисъ (греки) Константинопольскіе. Д-ръ Милашъ изъ Зары и др. Всѣ эти богословы куюно съ русскими постановили, что держаться должно лишь догматическаго ученія древней вселенской Церкви, до отпаденія отъ нея Задада. Никакихъ иныхъ условій мы ст. католикамъ не ставили. А. Куртсез

жемъ довольствоваться однимъ заявленіемъ, что отвѣтственность за нихъ можетъ падать на одного лишь автора, и мы отвѣтственны эту во всякомъ случаѣ отъ насъ и нашей Церкви должны отклонять.

Должно впрочемъ замѣтить, что епископу Веберу, сколь-бы прочнымъ и основательнымъ ни казался ему результатъ его философскихъ разсужденій, и въ голову не приходило, что этимъ путемъ онъ устанавливалъ въ собственномъ смыслѣ—богословскій догматъ. Въдь онъ самъ, въ статьѣ „Еще разъ къ разъясненію“ (*Revue internationale de Theologie* 1902 с. 4) безъ оговорокъ подписалъ и, стало быть, призналъ правильнымъ приводимое Вами заявленіе проф. Осипина, что догматическое ученіе объ исхожденіи Св. Духа, разсматриваемое съ церковной точки зрѣнія, не можетъ быть ни обосновано, ни развиваемо путемъ философскаго анализа.

Да благоволитъ высокочтимая Петербургская Коммиссія вновь убѣдиться изъ вышеприведенныхъ объясненій, что старокатолики исповѣдуютъ ученіе нераздѣленной католической церкви и принимаютъ догматы семи вселенскихъ соборовъ. Требовать болѣе сего, въ дѣлахъ вѣры, не долженъ никакой хотя бы и самый высокій и досточтимый авторитетъ. Еслибы въ православной церкви Востока существовали сомнѣнія, правильно ли старокатолическіе богословы излагаютъ догматы вселенскихъ соборовъ, то православные богословы имѣли бы полное право высказывать свои сомнѣнія и недоумѣнія! По нашему убѣжденію, однако, сомнѣнія богослововъ и разности въ *богословскихъ мнѣніяхъ*—не должны бы служить основаніемъ для Церковнаго разобщенія. Ежели бы это вообще было допустимо, тогда никогда бы и не было *единой* Церкви, такъ какъ въ богословскихъ разномысліяхъ никогда, съ самаго начала, не было недостатка. Мы дозволяемъ и нынѣ, и на всѣ времена, нашимъ единомышленникамъ въ вѣрѣ (Галат. 6. 10) примѣнять къ намъ „*correctio fraterna* (братское исправленіе); но, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, мы считаемъ даже нашей обязанностію совершать подобное же дѣло христіанской любви и относительно другихъ. Однако, обращая взоръ ко Христу Іисусу, Сыну Божію во вѣки преблагословенному, къ единой главѣ единой святой соборной и апостольской церкви, мы осмѣливаемся гласно исповѣдать,—что христіанскія церкви, жела-

юція возвѣщать чистое и полное евангеліе, не должны, какъ мы думаемъ, предавать другъ друга отлученію, а ежели, вслѣдствіе человѣческой близорукости и грѣховности, дѣло все же бы дошло до такого отлученія, миръ слѣдовало бы возстановить, какъ скоро проявилось бы искреннее миролюбіе, и для возстановленія согласія со стороны любящихъ миръ будетъ сдѣлано все что отъ нихъ по справедливости могло бы потребоваться.

Да будетъ намъ, посему, дозволено высказать здѣсь еще одну просьбу: съ хорошо освѣдомленной стороны намъ было сообщено, что созывъ собора Россійской церкви въ Москвѣ окончателно рѣшенъ. Хотя собору придется, конечно, заняться многими вопросами, которые стоятъ на первой очереди и относятся до самой Россійской Церкви, мы не можемъ, однако, отказаться отъ мысли, что и столь важный вопросъ, какъ воссоединеніе Церквей, будетъ имъ подвергнуто основательному разсмотрѣнію. Посему мы всепреданно предлагаемъ Петербургской Комиссіи представить будущему собору сей нашъ отвѣтъ, дабы онъ имѣлъ поводъ, съ помощію Св. Духа отъ Отца исходящаго и со Отцемъ и Сыномъ споклоняемаго и славимаго глаголаващаго черезъ пророковъ—составить опредѣленія, содѣйствующія исцѣленію ранъ Христіанства и возстановленію церковнаго мира между православными и старо-католическими христіанами и положить начало достославному дѣлу воссоединенія христіанскихъ церквей.

Отъ имени Роттердамской Комиссіи предсѣдатель

Д-р. Яковъ Іоаннъ Ванъ-Тиль

Епископъ Гарлемскій.

9 марта 1908 г.

ПОСЛѢСЛОВІЕ 1).

Настоящее послѣсловіе написано мною совершенно самостоятельно, безо всякаго предварительнаго соглашенія или сношенія съ членами нашей С.-Петербургской Коммиссіи; я его писалъ подѣ моей личной отвѣтственностію, какъ говорится „на свой страхъ и рискъ“. Это лишь мое скромное личное мнѣніе, которое позволяю себѣ предложить вниманію читателей.

Что всѣ христіане признаютъ возстановленіе церковнаго единства дѣломъ въ высшей степени желательнымъ, въ этомъ конечно нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: воля Спасителя — чтобы было едино стадо и единъ пастырь, выражена Имъ ясно; наша православная Церковь за каждой литургіей молится „да будутъ всѣ—едино“. Разъединенныя церкви всегда и стремились къ воссоединенію, къ воссозданію древняго единства. Это подтверждаетъ и вся исторія церкви. Спросите самаго равнодушнаго, „атрофированнаго“ христіанина, какихъ нынѣ много, сочувствуетъ ли онъ воссоединенію церквей, и онъ несомнѣнно отвѣтитъ Вамъ утвердительно. Всѣ съ этимъ согласны. Всѣ признаютъ воссоединеніе церквей дѣломъ необходимымъ именно теперь, когда всему христіанскому міру приходится выносить тяжелую борьбу съ атеизмомъ и равнодушіемъ. И однако святое дѣло воссоединенія 2) двигается съ прискорбной, съ убійственной медленностію.

---

1) *Отъ редакціи.* Давая у себя мѣсто стойкому и убѣжденному голосу такого признаннаго авторитета по старокатол. вопросу и искренняго, просвѣщеннаго друга церкви, какъ нашъ давній сотрудникъ, почтенный ген. Кирѣвъ, ред. Б. В. нисколько себя этимъ не связываетъ и охотно откроетъ страницы своего журнала для всякой, столь-же искренней и честной полемики съ нимъ, лишь-бы она преслѣдовала интересы чистой истины и подлинное благо церкви.

2) Говорю о единствѣ, пока, возможно соединеніи церквей старокатолической и православной. Замѣчу, еще, что вѣдь дѣло идетъ пока лишь о томъ: православно ли догматическое ученіе старокатоликовъ или нѣтъ? Согласно ли оно съ ученіемъ древней вселенской церкви или нѣтъ? До вопроса о самомъ воссоединеніи мы еще не дошли! Церкви Болгарская и Сербская, стали, повидимому, къ ст. католикамъ ближе нашей.

На Боннскихъ конференціяхъ (1874—5) многочисленными представителями православныхъ и старокатоликовъ единогласно были установлены основанія, на которыхъ должно и можетъ произойти воссоединеніе. Основанія эти всѣми признаны, всѣмъ извѣстны, но все это остается въ области теоріи; какъ только дѣло доходитъ до практики, эти принятія обѣими сторонами основанія забываются; они прямо отбрасываются, даже замѣняются совершенно новыми и произвольными! In abstracto основаніемъ воссоединенія остается ученіе вселенской семисоборной католической церкви; но на дѣлѣ,—каждый старается объяснить его по своему, съ своей личной, субъективной точки зрѣнія, а часто по своему послѣднему „руководству“ по послѣдней школьной шпаргалкѣ; повторяю: на соединеніе всѣ согласны, но подъ условіемъ, что бы оно происходило—„по мѣму“.

„Я искренно стремлюсь къ воссоединенію, говоритъ Папа, но Вы, инославные христіане, должны принять *цѣликомъ*, все ученіе моей современной римско-католической церкви, которая вѣдь и есть настоящая Церковь Христа Спасителя, такъ какъ никакой иной Церкви нѣтъ и быть не можетъ, да и никакого ученія, кромѣ моего, для всѣхъ обязательнаго быть не можетъ. Подчиняйтесь, другаго исхода Вамъ нѣтъ, иначе Вы впадаете въ протестантизмъ, въ ересь!“

„Я искренно стремлюсь къ воссоединенію“—говоритъ иной православный „богословъ“,—„но Вы, инославные христіане, должны принять *цѣликомъ*, все ученіе нашей современной церкви, которая и есть настоящая Церковь Христа! Какая тутъ древняя, нераздѣленная, воображаемая Церковь?! Есть современная „греко-россійская“ церковь, и никакой иной нѣтъ и быть не можетъ. Все чему учить нынѣ наше современное церковное начальство.—все это несомнѣнная истина, и вся она обязательна. Подчиняйтесь! иначе Вы впадете въ протестантизмъ, въ ересь“.

О воссоединеніи говорятъ и Англикане и даже протестанты ¹⁾. Разсуждать о соединеніи Церквей съ протестантами нельзя, потому, что протестантскихъ Церквей не существуетъ, а съ отдѣльными лицами Церквей конечно воссо-

¹⁾ Какъ много поучительнаго можно найти по этому предмету еще въ перепискѣ Лейбница и Боссюета'

единяться не можетъ; она можетъ ихъ только присоединять къ себѣ; они могутъ лишь входить въ составъ ея частей. Въ настоящее время нѣтъ даже протестантскихъ обществъ съ точно и строго-очерченными, обязательными въроученіемъ. Протестантскій индивидуализмъ не остановился на религіозныхъ системахъ выработанныхъ реформаторами XVI столѣтія, онъ пошелъ далѣе и подкопалъ самый корень Церковности!

Съ Англичанами—говорить о воссоединеніи — преждевременно. Представители „Высокой Церкви“ (High-Church), заявляли не разъ о желаніи воссоединиться съ Церковью Востока; но пока сама она (Высокая Ц.) не выдѣлится изъ остальныхъ равноправныхъ ей частей *всей* „установленной Англиканской Церкви“ (Established church), разговоры о соединеніи будутъ имѣть лишь значеніе (правда, весьма цѣнныхъ) *материаловъ* для дальнѣйшихъ нашихъ сношеніи съ западными Христіанами.

Спѣшу добавить, что, указывая на неполноту и ошибочность англиканскаго и протестантскаго въроученій, я весьма далекъ отъ отрицанія и великой учености, и глубокой религіозности многихъ англиканъ и многихъ протестантовъ. Мы, православные, могли бы многому у нихъ поучиться; напр. горячей убѣжденной проповѣди столь сильно вліяющей на слушателей, ихъ прекрасной организаціи помощи бѣднымъ, страждущимъ, устройству ихъ школъ и т. п. Нельзя не пожалѣть о существованіи у нѣкоторыхъ изъ насъ, страннаго мнѣнія, что сношенія съ ними опасны, вредны, такъ какъ они — „еретики“, „отлученные“. Странная мысль. Развѣ нельзя быть великимъ ученымъ, ошибаясь при этомъ въ извѣстныхъ пунктахъ доктрины, и обратно—быть вполне православнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — круглымъ невѣждой? Гарнакъ несомнѣнно еретикъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ и великій ученый, у котораго можно бы многимъ и многому поучиться и научиться. Развѣ великіе Отцы Церкви не ходили учиться въ языческія Аѳины? Развѣ Златоустъ и Василій Великій не учились у язычника Ливанія? Не боялись они, видно, „еретической“ заразы! Вѣдь иной благочестивый но не по разуму усердный, православный, отталкиваетъ, отъ религіи болѣе всякаго еретика!

Со старо-католиками мы, мало по малу, приходимъ (а по

моему мнѣнію мы даже и пришли) къ соглашенію. Затрудненія состоятъ не столько въ какихъ либо вѣроучебныхъ разностяхъ, сколько въ извѣстномъ, исторически сложившемся среди и насъ недоувѣріи, (чтобы не сказать — недоброжелательствѣ) ко всему западному религіозному міру. (Нѣкоторые думаютъ доказать этимъ свою особенную православность и заслужить похвалу!) Явленіе тѣмъ болѣе странное, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мы слѣпо довѣряемъ Западу, напр. въ вопросахъ соціологическихъ, политическихъ и т. п. Положимъ, говорятъ у насъ многіе, старо-католики приходятъ съ нами къ соглашенію въ догматахъ, положимъ они готовы подписаться и подъ нашимъ (Филаретовскимъ) Катихизисомъ ¹⁾; ну а все таки... можетъ быть выйдетъ чтонибудь не то... не такъ? притомъ католики горды, они не признаютъ нашего надъ ними превосходства! Можетъ быть они и не искренни?.. Такъ лучше—отказаться... До сихъ поръ безъ нихъ жили, проживемъ безъ нихъ и впередъ; Богъ съ ними совсѣмъ!

Это ли слова христіанина?! Этимъ ли путемъ мы дойдемъ до „единого стада и единого пастыря“? Да и справедливо ли, не имѣя никакихъ положительныхъ данныхъ, подозрѣвать людей въ двуличности, прислушиваться ко всякимъ нелѣпымъ про нихъ толкамъ, вѣрить всякимъ про нихъ небылицамъ, когда именно къ ст.-католикамъ-то и слѣдовало бы относиться любовно, по-братски, съ болѣе высокой точки зрѣнія! Несомнѣнно правъ протопресвитеръ Янышевъ находя, что старо-католицизмъ болѣе всѣхъ инославныхъ исповѣданій въ западномъ христіанскомъ мірѣ сроденъ православной церкви. „Его сродство съ нашей церковью“ говоритъ о. Янышевъ, „предполагается не по внѣшнему облику, не по частностямъ церковной дисциплины и обрядовъ богослуженія, въ чемъ Западъ никогда не былъ тождественъ съ Востокомъ, въ чемъ и православныя автокефальныя церкви, принадлежащія къ разнымъ народностямъ, далеко не тождественны между собою, а въ неприкосновенной, вѣчныхъ боготкровенной истинѣ, въ догматахъ, строго отличаеваемыхъ ¹⁾ отъ человѣческихъ разсужденій о нихъ, и опредѣляющихъ все дѣло спасенія человечества во Христѣ и всю суть христіан-

¹⁾ Это мнѣ говорилъ не разъ покойный Епископъ Рейкювскъ.

ской и нравственной жизни“. „Если не въ высокихъ идеальныхъ цѣляхъ единенія церквей“ говоритъ далѣе И. Л. Янышевъ, то въ интересахъ самаго православія, именно православной богословской науки, внѣ ученія древней нераздѣленной церкви не имѣющей для себя научнаго критерія и ни какого вообще значенія, ст. католицизмъ заслуживаетъ серіознаго вниманія и безпристрастнаго, спокойнаго обсуждения“.

Вотъ единственно правильная, и строгонаучная точка зрѣнія, на которой, къ сожалѣнію, у насъ стоятъ далеко еще не всѣ! Я уже сказалъ, что именно эта точка зрѣнія была, принята на боннскихъ конференціяхъ; тамъ-же было выяснено и закрѣплено значеніе воссоединенія (церквей), и понятіе о догматѣ (въ отличіе отъ богословскаго мнѣнія)... Но все это забывается, обо всемъ этомъ приходится говорить снова, точно все это не было разъяснено сотни разъ! Забываютъ, что „воссоединеніе“ церквей не есть подчиненіе одной церкви другой, а именно соединеніе равной съ равной, забываютъ, что богословскія мнѣнія имѣютъ значеніе *факультативное*, а не *обязательное*, что стало быть такія мнѣнія можно отбрасывать или принимать оставаясь, вполнѣ православнымъ христіаниномъ, не впадая ни въ какую „ересь“.

Въ отвѣтъ ст. католиковъ вопросъ о разницѣ между догматомъ и мнѣніемъ разъясненъ вполнѣ. Разъяснено и значеніе Filioque, въ смыслѣ необязательнаго „мнѣнія“. Въ отвѣтъ ст. католиковъ выяснено вполнѣ, почему Filioque, исключенное изъ ихъ догматическаго ученія, не можетъ уже служить поводомъ къ разъединенію церквей или точнѣе препятствіемъ (*impedimentum*) ихъ воссоединенію. Съ своей стороны я позволю себѣ привести на справку слѣд. историческія данныя.

Пока Filioque было лишь „мнѣніемъ“, пока оно не было внесено въ Символь (т. е. не имѣло догматическаго значенія), оно и не служило причиною раздѣленія церквей, оно *было терпимо*. Дѣло получило совершенно иной оборотъ,

---

¹⁾ Объ этомъ отличіи многіе у насъ забываютъ, что такъ неблагоприятно и вліяетъ на ходъ нашего богословскаго развитія, такъ нежелательно отзывается на нашей богословской печати.

когда, Filioque вопреки папѣ Льву III (который однако самъ придерживался его, какъ мнѣнія) превращено было въ догматъ, т. е. было внесено въ Символь вѣры. Что же мы видимъ далѣе? Ересь закрѣплена. Символь искаженъ.—Полный разрывъ! При Фотіи, борьба усложненная политическими элементами, (вопросъ о томъ, кому властвовать въ Болгаріи Риму или Царьграду) достигаетъ крайняго напряженія. На соборѣ 867 г. Фотій передаетъ папу Николая анаемѣ; папа конечно отвѣчаетъ тѣмъ-же. Но вотъ дѣла принимаютъ новый оборотъ. На соборѣ 880 года папа Іоаннъ въ лицѣ своихъ легатовъ торжественно отказывается отъ Filioque и—единеніе церквей восстанавливается! Чтоже, по мнѣнію Фотія, нужно было для того, чтобы единеніе было восстановлено? только одно—признаніе внесенія Filioque въ Символь дѣломъ незаконнымъ и очищеніе Символа! Другими словами—низведеніе Filioque на степень простаго *богословскаго мнѣнія*. Болѣе ничего! Но почему же намъ не поступить со старо-католиками точно также, какъ Фотій поступилъ съ римско-католиками? почему намъ не удовольствоваться тѣмъ, чѣмъ удовольствовался онъ? Развѣ великій патріархъ не служить примѣромъ достойнымъ подражанія? Зачѣмъ же намъ требовать еще чего нибудь, какихъ-то дополнительныхъ гарантій отъ западныхъ христіанъ, признавшихъ свою вину, когда Фотій ихъ не требовалъ? Замѣьте, притомъ, что вѣдь римско-католики враждовали съ Востокомъ, а ст. католики вотъ уже скоро сорокъ лѣтъ протягиваютъ намъ дружественную руку!

Старо-католики вполне допуская толкованіе „Filioque“ въ смыслѣ „Per Filium“, добавляютъ, что они вполне признаютъ допустимость *мнѣнія* „A Patre Solo“. Казалось бы, что всѣмъ этимъ мы, православные, могли бы и удовольствоваться?! Нельзя же намъ требовать, не нарушая основныхъ правилъ богословской науки, чтобы а Patre Solo было возведено въ догматъ! Справедливо говорить въ своемъ трудѣ покойный Болотовъ, что Фотію нельзя бы было найти въ изреченіяхъ Отцевъ Церкви основаній для „a Patre Solo“! Къ стати: недавно появилось въ русскомъ переводѣ сочиненія Церникавія объ исхожденіи Св. Духа. (Цѣнный вкладъ въ русскую богословскую литературу!) Массою приводимыхъ цитатъ, терпѣливый и усидчивый ученый доказываетъ несомнѣнную и неоспоримую истину, что *Духъ Святой*

исходитъ отъ Отца. Но на этомъ онъ не останавливается: установивъ эту истину, онъ, отъ себя уже, добавляетъ.—А стало быть и только отъ Отца! Нѣтъ! Не „стало быть“; притомъ, и это главное, на разныхъ „сталобытъ“ и т. п. логическихъ выводахъ, на „спекуляціяхъ“ догматы не основываются! Это не только выяснилъ Болотовъ, но это составляетъ всѣми признанную богословскую аксіому: догматъ основывается или на ясномъ, неоспоримомъ свидѣтельствѣ Священнаго писанія, или на постановленіяхъ вселенскаго собора. Все остальное—относится къ области болѣе или менѣе правильнаго богословскаго миѣнія. Послѣдній отвѣтъ Старо-Католической Коммисіи не можетъ, мнѣ кажется, не удовлетворить самаго требовательнаго православнаго богослова. Отвѣтъ этотъ весь посвященъ вопросу о „Filioque“; вѣдь именно этотъ пунктъ и служилъ доселѣ главнымъ аргументомъ противъ признанія ученія ст.-католиковъ вполне правильнымъ; но что же еще остается требующимъ разъясненія? О новыхъ римско-католическихъ догматахъ говорить нечего, такъ какъ именно изъ за нихъ, (преимущественно изъ за догмата о папской непогрѣшимости, и вселенскаго епископата папы) старо-католики и выключили себя изъ юрисдикціи папы. Были разговоры объ евхаристіи, но въ этомъ отношеніи православность ст. католиковъ можетъ быть оспариваема лишь тѣми кто требуетъ, чтобы причащающійся вѣровалъ, что онъ, раздираетъ зубами мускулы Христа и руками раздробляетъ Его кости. ¹⁾ Такіе конечно есть; но настоящіе богословы должны бы довольствоваться заявленіемъ ст. католиковъ (еще на боннскихъ конференціяхъ), что они вполне раздѣляютъ относительно евхаристіи ученіе православныхъ и римско-католиковъ. Ст.-Католики, считая совершенно излишнимъ и неудачнымъ ученіе Пасхазія Радберта о трансубстанціи, (пресуществленіи) вполне и безусловно признаютъ однако „преложеніе“ хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа-Спасителя; они признаютъ, что преложеніе это совершается объективно, т. е. независимо отъ вѣры причащающагося. Въ поясненіе старо-католическаго ученія объ евхаристіи, Епископъ Веберъ пи-

¹⁾ См. греческій текстъ посланія Вселенскихъ патріарховъ къ Епископамъ Великобританіи 1723 годъ (членъ 17).

салъ мнѣ: „Само собою разумѣется что, послѣ того, какъ хлѣбъ и вино *стали* (geworden sein) тѣломъ и Кровію Христа, они и остаются тѣломъ и Кровію Христа (кто бы ихъ не вкушалъ т. е. вѣрующій или невѣрующій). „Кто будетъ теперь препираться о подобныхъ вопросахъ“, говорилъ мнѣ недавно одинъ заслуженный профессоръ Духовной Академіи, „теперь нужно выяснитъ одно:—взглядъ ст. католиковъ на Церковь; все дѣло въ этомъ!“ Да; но ст. Католики не обвиняясь подпишутся подъ нашимъ православнымъ опредѣленіемъ Церкви, (напр. Филаретова катихизиса). Вотъ опредѣленіе церкви Утрехтскаго Катихизиса 1686 г: Церковь есть общество всѣхъ вѣрующихъ, соединенныхъ единою вѣрою, составляющихъ всё вмѣстѣ единое тѣло, коего глава есть Христосъ, а каждый вѣрующій—членъ ¹⁾. Опредѣленіе вполне удобопріемлемое.

Наше, сравнительно, еще очень молодое богословіе колеблется между двумя полюсами—римско-католичества и протестантизма. Въ данную минуту, не смотря на то, что богословская мысль наша становится все болѣе и болѣе самостоятельной, многіе представители нашего официальнаго богословія склоняются къ тридентинскому ультрамонтанству. Но, повторяю—мы переходимъ, хотя медленно и не безъ борьбы, къ древнему „вселенскому“ ученію; иначе и быть не можетъ; вѣдь основы нашего догматическаго ученія—безусловно и неизмѣнно православны; ихъ слѣдуетъ только очистить отъ постороннихъ наносныхъ элементовъ, коихъ область не вѣра—а суевѣріе: такое очищеніе постепенно и совершается! Прямо, въ самомъ богословіи, и косвенно—внѣ его, независимо отъ него, подъ влияніемъ общей культуры. Мы несомнѣнно двигаемся (хотя иногда и увлекаясь въ сторону ²⁾, къ свѣту, къ истинѣ, къ религиозной свободѣ ³⁾, удаляясь отъ суевѣрія и темноты; при этомъ намъ конечно слѣдуетъ обе-

¹⁾ По опредѣленію нашего пространнаго Катихизиса (времени Екатер. II). „Церковью называется собраніе истинныхъ христіанъ, / которой единая глава Христосъ.

²⁾ Мысль человѣческая и не можетъ идти иначе; какъ не совершенная, она ни когда не идетъ по „равводѣйствующей, она идетъ зигзагами

³⁾ Эта свобода не имѣетъ ничего общаго съ ея карриатурой, порожденной переживаемою вами политическою смутой.

регаться и отъ протестантской „индивидуализаціи“, отъ атомизаціи“ церкви. При строгой послѣдовательности такой работы мы останемся на безусловно православной точкѣ зрѣнія. Высказывая такія надежды, я въ особенности имѣю въ виду благотворное вліяніе будущаго собора нашей помѣстной церкви, хотя на немъ, вѣроятно, окажется не мало и представителей ультрамонтанства. На соборъ этотъ разчитываютъ сильно и старо-католики, угадывая въ немъ союзника и покровителя святой идеи воссоединенія Церквей.

Сторонники отживающихъ идей и взглядовъ еще многочисленны, у нихъ есть поддержка среди поклонниковъ *мнимой* старины. Но, что ихъ „дѣсна сибѣта“, что ихъ время проходить, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. *Requiescant in pace!* Ихъ наука смѣняется новой, настоящей. Авторитетъ ихъ подорванъ. Мы начинаемъ освобождаться отъ поклоненія *буквѣ* и переходимъ къ поклоненію *мысли*. Нужны ли примѣры? Будетъ ли кто у насъ послѣ Галилея и Коперника принимать буквально сказаніе объ Иисусѣ Навинѣ, останавливающемъ солнце, или (послѣ Канта) защищать, что одна *субстанція* превращается въ другую, причемъ ихъ акциденціи не участвуютъ въ этомъ превращеніи? кто будетъ теперь требовать, чтобы мы вѣрили, что Богъ создалъ міръ ровно ¹⁾ 6871 годъ тому назадъ? и т. п. и т. п. Много ли найдется теперь сторонниковъ у патриарха Адриана въ его жестокой борьбѣ за неприкосновенность бороды, или у Св. Митрофана Воронежскаго, видѣвшаго въ статуяхъ идоловъ? „Да, все это благодареніе Богу, отходить въ даль; мало по-малу религія освобождается отъ наносныхъ элементовъ ее затемняющихъ, вѣра очищается, одухотворяется! Но можно ли относиться слишкомъ строго, или даже враждебно къ тѣмъ, которые *добросовѣстно* вѣрили и вѣрятъ во все то, что оказывается явно ошибочнымъ, символическимъ, иносказательнымъ, легендарнымъ? ²⁾, нѣтъ! Вѣдь и между ними были, (*есть* и теперь) люди совершенно искренніе, убѣжденные, готовые положить за такія „истины“ свои головы. Не-

1) Или, по другому лѣтосчисленію, — 7000 съ чѣмъ-то.

2) Укажу для примѣра на западную легенду о взятіи Пресвятой Богородицы живою на небо. . Развѣ въ этомъ религія? Спѣшу добавить, что и этихъ вѣровацій должно касаться осторожно; согласенъ, но нельзя же считать это, и тому подобное областію науки!

сомнѣнно самые вредные распространители лжи—это іезуиты; но и между ними были не только почтенные люди, но даже и святые, (изъ числа миссіонеровъ дальняго Востока). Все это вѣрно, но не бросая камень въ людей съ отживающими богословскими понятіями, уважая ихъ искренность, ихъ нравственный обликъ, мы не должны однако слѣдовать ихъ ложному ученію.

Нѣкоторые, глубоко преданные церкви люди хотя и сознають, что реформа необходима, что мы не можемъ обойтись безъ коренной переоцѣнки многихъ изъ нашихъ религіозныхъ цѣнностей, выражаютъ однако опасеніе, какъ бы при этомъ не потерять и *дѣйствительныхъ* цѣнностей. Такія соображенія не лишены основательности; но, предугадываемую опасность устранить не особенно трудно: стоитъ только строго и неуклонно держаться догматическаго ученія древней вселенской церкви; *это* ученіе должно быть строго охраняемо, оно обязательно, уклоненій отъ него допускать нельзя; но все остальное можетъ быть принимаемо или отвергаемо, безъ нарушенія строгой вѣрности древнему православію, безъ всякаго колебанія церковнаго единства.

Но кто же можетъ взяться за такое и необходимое, но и трудное дѣло? Въ извѣстной, степени его можетъ совершить Св. Синодъ; въ несравненно большей, въ окончательной—предстоящій соборъ! Лишь помѣстный соборъ церкви можетъ говорить ея именемъ; лишь передъ его властнымъ голосомъ должны мы все преклониться!

А. Куршевъ.

